

С.И. Сулейманов

ЕЩЕ РАЗ О ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЯХ 20–50-х гг. XX в. В ДАГЕСТАНЕ

В соответствии с статьей 1-й Закона Российской Советской Федеративной Социалистической Республики «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. политическими репрессиями «признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку на спецпоселения, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшиеся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами».

Анализ многочисленных документов и материалов, хранящихся в фондах центральных и местных архивов, целый ряд опубликованных источников свидетельствуют о том, что в практике советской юриспруденции при применении наказания по политическим мотивам в 1920–1950 гг. нередко допускалось беззаконие, унижающее достоинство человека.

Роковые события 1930-х гг. были и остаются одной из наиболее трагических страниц нашей истории. Развернувшиеся массовые репрессии уносили, словно полноводная река, многих людей в небытие. Сам факт массовых репрессий был официально признан высшим партийным руководством страны впервые в конце 30-х гг., а затем в 1956 г. сначала в закрытом докладе первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, а после в постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий». За прошедшее время внимание исследователей к этому феномену отечественной истории то усиливалось (1938–1939 и 1954–1965 гг.), то ослабевало (1965–1980 гг.).

Первые фундаментальные труды были опубликованы за рубежом: «Большой террор» Роберта Конквеста (1968 г.) и «К суду истории» Р.А. Медведева (Нью-Йорк, 1971 г.). Со второй половины 80-х гг. появляются публикации по этой проблематике и в отечественной историографии.

Обоснование В.И. Лениным диктатуры пролетариата как власти, опирающейся непосредственно на насилие, впоследствии оказалось теоретическим постулатом в практике массовых репрессий, а результатом «теории» И.В. Сталина об обострении классовой борьбы в стране по мере дальнейшего строительства социализма (1928 г.) явилось обоснованием невиданных репрессий, невосполнимых людских потерь.

Атмосфера шпиономании и аресты усиливали подозрительность в народе, вселяли в людей страх и неуверенность.

Известный немецкий писатель Лион Фейхтвангер, посетивший СССР в 1937 г., отметил, что «население охватила настоящая психоз вредительства. Привыкли объяснять вредительством все, что не клеилось, в то время как значительная часть неудач должна быть, наверное, просто отнесена за счет неумения» (*Фейхтвангер Л.*, 1937. С. 35).

Апогеем и символом репрессий в стране стал 1937 г., а ревностным исполнителем их сменивший в сентябре 1936 г. на посту наркома внутренних дел Г.Г. Ягоду Н.И. Ежов, главными качествами которого были исполнительность и безотказность в выполнении любых поручений начальства.

У Ежова был один, правда, существенный недостаток: он не умел останавливаться (*Соколов Б.В.*, 2001. С. 101). Пройдя от рядового провинциального партийного работника до председателя Центральной Комиссии по чистке партии, а затем и председателя Комиссии партийного контроля, наконец, наркома НКВД, Ежов в полной мере проявил свои качества исполнителя и организатора большого террора.

При знакомстве с аппаратом НКВД после своего назначения он говорил: «Вы не смотрите, что я маленького роста. Руки у меня крепкие... У меня хватит сил и энергии, чтобы покончить со всеми троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами... Предупреждаю, что буду сажать и расстреливать всех, не взирая на чины и ранги, кто посмеет тормозить дело борьбы с врагами народа» (*Млечин Л.*, 1999. С. 140).

Приобретенный в период работы заместителем наркома земледелия СССР с декабря 1920 по ноябрь 1930 гг. опыт по расстрелу без суда и следствия крестьянских семей, сопротивлявшихся при выселении с насиженных мест в отдаленные районы страны, пригодился Ежову и на посту наркома внутренних дел СССР (*Соколов Б.В.*, 2001. С. 103). Его вскоре в народе стали называть «кровавым карликом». Итак, старт к охоте за «врагами народа» был дан. Нагнетавшаяся в стране атмосфера подозрительности, настороженности, недоверия проникла во все регионы страны, в том числе и в Дагестан.

Многие коммунисты, на протяжении ряда лет боровшиеся за генеральную линию партии, арестовывались как «враги народа».

Выступая на торжественном заседании в Большом театре по случаю 20-летия органов ВЧК–ОГПУ–НКВД (декабрь 1937 г.) А. Микоян громко заявил: «У нас каждый трудящийся – наркомвнуделец» (*Правда*. 1937. 21 декабря). Как бы в ответ на это «бдительные» граждане пачками посылали заявления в разные инстанции, компрометирующие должностных лиц. Режим предписывал работникам учреждений и предприятий разоблачать притаившихся врагов. Именно в таком ключе были выдержаны и те 1500 заявлений, поступившие в Дагестанский обком партии только за три месяца 1937 г. (*Сулейманов С.И.* 2007. С. 32). Многие фамилии, если не все, переключались затем в списки репрессированных. За всеми этими заявлениями, подозрениями стояло разлагающее действие массового психоза, вызванного арестами.

В то время, когда по стране проходил каток репрессий против «врагов народа», имя Ежова гремело как стойкого революционера. Ему, «железному» наркому, посвящались пьесы, песни и стихи. Не отставал в этом и Дагестан. В декабре 1937 г. по решению участников торжественного собрания по случаю 20-й годовщины органов ВЧК–ОГПУ–НКВД на имя Ежова была направлена телеграмма следующего содержания: «Трудящиеся многонациональной страны гор шлют тебе, верному сталинцу, непоколебимому борцу с врагами народа, славному чекисту, свой пламенный большевистский привет! Под вашим, товарищ Ежов, большевистским

руководством НКВД разоблачили и разбили наголову злейших врагов народа – троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических бандитов... Горячо приветствуя Вас ... трудящиеся Дагестана уверены, что вы и в дальнейшем будете также беспощадно выкорчевывать остатки врагов народа, ... также беспощадно бороться за очищение советской земли от всякой мрази.

Да здравствует ... сталинский нарком, товарищ Ежов»

Проходившая в 1934–1936 гг. чистка рядов партии и обмен партийных документов вносили свой вклад в «хранилище досье», которым располагали партийные органы, в том числе и Дагестанский обком партии.

9 апреля 1938 г. Ежов был освобожден от обязанностей наркома НКВД и был назначен наркомом водного транспорта. Внешне это выглядело как расширение его функций, но он еще оставался в силе и фаворе.

17 ноября 1938 г. на Политбюро было утверждено постановление СНК и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое стало сигналом к прекращению массовых репрессий. В соответствии с постановлением внесудебные органы-тройки как в центре, так и на местах отменялись. Аресты впредь предписывалось производить только по решению суда или с санкции прокурора. Ответственность за все «перегибы и ошибки» была возложена на Ежова и его ставленников. Через день, 19 ноября 1938 г. Ежову на Политбюро было предъявлено обвинение в засорении органов НКВД шпионами иностранных разведок, в недосмотре за отделом охраны членов ЦК и Политбюро, где якобы окопались заговорщики. 23 ноября Ежов написал покаянное заявление и просил освободить его от обязанностей наркома внутренних дел. В заявлении он не преминул указать, что при повседневном руководстве ЦК партии НКВД громил врагов народа. Политбюро удовлетворило просьбу Ежова, оставив за ним наркомат водного транспорта, должность секретаря ЦК ВКП (б) и председателя КПК при ЦК партии. Но было ясно, что карьера и жизнь Ежова подходили к концу. К тому времени Ежов, по словам Н. Хрущева, совершенно спился, стал наркоманом и извращенцем. 28 ноября 1938 г. новым наркомом был назначен Л. Берия. В апреле 1939 г. Ежов был арестован и обвинен в руководстве контрреволюционной организацией в НКВД, шпионаже и приговорен к ВМН (высшая мера наказания).

На суде Ежов отверг все обвинения в свой адрес. В то же время заявил, что «есть и такие преступления, за которые меня можно и расстрелять... Я почистил 14 тысяч чекистов». 4 февраля 1940 г. Ежов был расстрелян (*Хлевнюк О.В.*, 1992. С. 223; *История России. XX век. 1989. С. 618; Некрасов В.Ф.*, 1995. С. 204, 208).

Исключения из рядов ВКП (б), принявшие массовый характер в 1937 г., служили сигналом – свидетельством неблагонадежности человека, лишённого партбилета.

Как правило, руководящие работники того или иного ведомства являлись коммунистами, и исключение их из партии становилось поводом для вывода «проштрафованного» из коллектива и сопровождалось снятием с работы. Поводом для снятия с работы того или иного работника служили также отсутствие бдительности и рвения в разоблачении «врагов народа», политическая слепота, мешавшая разглядеть «двурушника», беспечность, приводившая к «засоренности» ведомств чуждым элементом.

Однако в большинстве случаев справедливо решать проблемы с увольнениями людей из «чуждой среды или из-за связи с врагами народа» было чрезвычайно трудно, что свидетельствовало о боязни руководителей взять на себя ответствен-

ность, поставить личную подпись, о страхе самому оказаться под обвинением за то, что помогал выходцу из «чуждой среды», «врагу народа» либо его родственнику.

В разоблачении вредителей и враждебных элементов помогала и периодическая печать, выступая коллективным разоблачителем. Не отставали и СМИ Дагестана (Сулейманов С.И., 2007. С. 25, 26).

В начале 1938 г. появились первые признаки некоторого изменения политического курса партии. Во второй декаде января 1938 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), принявший постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б) и о мерах по устранению этих недостатков». В нем ответственность за массовые исключения из партии, увольнения с работы возлагалась на местные партийные органы, а также на пресловутых вредителей и «врагов народа», «пробравшихся в партийные органы и НКВД». Эта мера не означала, однако, прекращения репрессий. Кровавая чистка продолжалась и в 1938 г. Лишь в 1939 г. волна репрессий в значительной мере приостановилась. На XVIII съезде партии в марте 1939 г. Сталин признал, что чистки, в общем неизбежные, сопровождались «многочисленными ошибками», и в новых чистках больше необходимости нет... В 1939 г. из лагерей было освобождено 327,4 тыс. человек (История России. XX век, 1989. С. 389).

Массовые репрессии пагубно сказались на всех сторонах жизни.

В предисловии к первому тому «Книги памяти жертв политических репрессий 20-50-х г. XX века в Дагестане», довольно подробно изложено об истоках, механизмах и последствиях политических репрессий в те годы в Дагестане.

Вместе с тем, в связи с появившимися после издания «Книги...» в средствах массовой информации и публикациях вольными толкованиями со стороны отдельных исследователей по вопросам политических репрессий и о количестве репрессированных лиц по стране в целом и в Дагестане, в частности, считаем необходимым вновь вернуться к освещению некоторых аспектов данной проблемы.

Примеров подобного рода за последние годы стало немало. Приводим некоторые из них.

О количестве репрессированных лиц.

В документе, подписанном руководителями трех правоохранительных ведомств страны – Генеральным прокурором СССР Р. Руденко, министром внутренних дел С. Кругловым и министром юстиции К. Горшениным, датированном 1 февраля 1954 г. и подготовленном по заданию первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева в связи с предстоящим его докладом на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культе личности и его последствиях», указано, что «... за контрреволюционные преступления было осуждено 3.777.580 человек, в том числе к ВМН (высшей мере наказания) 642.980 человек...» (Дугин Л., 1990. С. 22–26; Репрессии 30-х годов в Дагестане, 1997. С. 4–5). Как представляется, получив задание от первого в стране лица (Н.С. Хрущева), подписавшие справку названные выше руководители, зная о тенденциях нового руководителя, вряд ли могли быть заинтересованы в приуменьшении количества репрессированных. Эти же данные впоследствии были воспроизведены и в целом ряде других изданий (Докучаев М.С., 1998. С. 5; Пыхалов И., 2000. С. 9; Некрасов Ф., 1995. С. 272). Тем не менее, как мы ранее отмечали, некоторые авторы с неудержимым увлечением преподносят завышенные в десятки раз цифры о жертвах политических репрессий тридцатых годов (Сулейманов С.И., 2007. С. 42).

Так, в номере 330 от 28 ноября 2007 г. газеты «Дагестанская правда» сообщается следующее: «В 1930–1938 гг. было репрессировано и уничтожено 8 млн. человек, в 1938–1941 гг. – еще 10 млн. человек как «враги народа» или «религиозные фанатики» и т.д. Вспомним, как в те годы из Москвы спустили разнарядку в Дагестан уничтожить за неделю 2,5 тыс. религиозных деятелей... когда же не знали как выполнить этот план, то дали команду ловить в селах всех, кто ночью появляется на улице... Это все было», – утверждает в газете.

Не такие ли «выкладки» подрывают доверие к историческим фактам и к науке вообще?

Тема политических репрессий стала самой «ходячей». Кто только не берется рассуждать и писать об этом. Это вошло в моду.

Известно, что реакционная часть мусульманского духовенства, начиная с первых же дней установления советской власти в Дагестане, долго находилась в активной оппозиции к этой власти. Тем не менее, исходя из конкретных социально-политических особенностей республики, традиций, обычаев и уклада быта горцев, советская власть к духовенству в целом относилась снисходительно. Не об этом ли свидетельствует то, что в первые годы советской власти в Дагестане пятница считалась нерабочим днем, служащим советского аппарата разрешалось соблюдать ритуал обеденного намаза, наряду с советскими праздниками официально отмечались Ураза и Курбан-байрам, до 1927 г. функционировало свыше 700 городских и сельских шариатских судов, в те же годы число мусульманских школ при мечетях намного превышало количество общеобразовательных советских школ, разрешалось преподавание мусульманского вероучения детям старше 12 лет в медресе при мечетях. Мектебы и медресе совершенно легально существовали в некоторых районах параллельно с советскими школами вплоть до середины 1930-х гг., до 1926–1927 гг. допускалось заключение браков по шариату, двоеженство или многоженство, не затрагивалось имущество мечетей, на практике осуществлялся целый ряд и других уступок.

После того реакционная часть мусульманского духовенства стала открыто препятствовать проведению на практике социально-экономических и культурных мероприятий, предусмотренных общесоюзными программами, запрещать открывать школы, детям ходить в советские школы, вступать в пионеры, носить галстуки. Духовники стали выкидывать в реки и овраги ученические парты и другое школьное имущество, детей, посещавших советские школы, отмывали от «грехов» в речках холодной водой, запрещали заносить домой учебники, взрослым – посещать ликпункты, ходить на похороны советских активистов и коммунистов, отдавать сыновей для прохождения службы в армии, женщинам и девушкам – носить красные косынки, устраивались погромы в домах активистов, избах читальнях и библиотеках (*Сулейманов С.И.*, 2006. С. 156–163).

Фанатичная часть духовенства в культовых заведениях стала вовлекать верующих в различные антисоветские организации и вести работу, прямо направленную против установок и самих устоев советской власти, проклинала эту власть, предрекала ее конец. Дело доходило до вооруженных противостояний с привлечением к этому в качестве живого щита женщин и детей (Штульское, Хновское, Доргелинское, Дидойское и др. восстания). Совершались террористические акты и зверские убийства коммунистов, комсомольцев, активистов и женщин. Разгоняли работников советских органов, разоружали милицию. Партийные

организации на местах вынуждены были проводить собрания коммунистов в тайне (Отечественная история. 2007. № 6. С. 151).

Таким образом, советская власть столкнулась в лице реакционной части мусульманского духовенства с организованным, надо заметить и сильным, противником всяких преобразований в социально-экономической и культурной жизни жителей горного края. Вот тогда, примерно, с конца 20-х гг. отношение органов советской власти к этой части духовенства стало резко меняться. К активным участникам таких акций стали применяться первоначально административные (лишение избирательных прав, обложение индивидуальным налогом и т.д.) меры, а к организаторам, подстрекателям, особенно руководителям – меры пресечения уголовного характера.

Нельзя отрицать, что во взаимоотношениях между органами советской власти и известной своей реакционностью частью мусульманского духовенства Дагестана было немало и негативного, наносного. Однако следует отметить, что все это, на наш взгляд, не дает оснований для имеющих место перехлестов вопреки исторической истине.

Другой пример: в рубрике «Юбиляры» газеты «Дагестанская правда» № 173–174 от 12 июня 2008 г. отмечается: «В декабре 1928 года в результате провокации (!) со стороны ОГПУ Северного Кавказа было заведено уголовное дело «О контрреволюционной деятельности группы лиц, возглавляемой Али-Хаджи Акушинским». Все они были арестованы и репрессированы. Его дом был конфискован, а богатейшая библиотека сожжена. ... В 1989 году Али-Хаджи Акушинский был полностью реабилитирован».

В годы Гражданской войны и иностранной интервенции в Дагестане Али-Хаджи Акушинский действительно проявил мудрость, поддержал борцов за советскую власть, чем снискал большую популярность среди широких кругов населения и авторитет у общественных и политических деятелей. Однако вскоре свои позиции и взгляды он изменил и до конца жизни оставался противником всех мероприятий советской власти. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива Республики Дагестан. Следствием было доказано и то, что Али-Хаджи Акушинский действительно являлся идеологом и вдохновителем сборищ, проводившихся членами названной выше организации. Нельзя считать случайным, вероятно, и тот факт, что некоторым ее членам в постсоветское время, как принято говорить, органами прокуратуры и суда в реабилитации отказано.

Что касается лично самого А. Акушинского, то он с учетом упомянутых заслуг и болезни репрессии не подвергался и потому «в 1989 году полностью, как утверждается в публикации, реабилитирован» не мог быть, а сведения о конфискации дома и сожжении личной библиотеки не основаны на документах.

Конечно же, достойно глубочайшего сожаления то, что в стране имели место необоснованные репрессии против наших сограждан.

Однако принципиальное возражение вызывает ряд посылок автора И.Х. Сулаева в его статье о мусульманском духовенстве и умилительные, в частности, сентенции в отношении шейха Штульского (Отечественная история. 2007. № 6. С. 144–155).

Шейх Штульский, имея, как утверждают некоторые авторы, высшее духовное образование, подстрекал фанатичных безграмотных горцев и возглавил их борьбу против советской власти. В результате всего этого в ряде районов на юге

Дагестана были учинены насилия над партийно-советским активом, погромы, поджоги в учреждениях, разогнаны колхозы, сельсоветы, разоружены подразделения милиции, убит секретарь Касумкентского райкома партии Ю. Герейханов.

Как показывает анализ материалов о массовых антисоветских выступлениях в 1930 г. в Дагестане, все они не только не были случайными или локальными явлениями, а являлись заранее спланированными, четко и по единому сценарию организованными последовательными выступлениями. Что же касается предусмотренных советскими законами мер пресечения, принятых в отношении главных руководителей и подстрекателей, то это, как известно, осуществлялось лишь после того, как были исчерпаны все другие возможные меры и способы мирного урегулирования происходящего. С руководителями и подстрекателями этих акций велись длительные переговоры через влиятельных, но более лояльных служителей культа, сельских авторитетов, представителей властных структур и, наконец, через непосредственно близких родственников (Материалы антисоветских выступлений в 1930 г. Л. 1–200, 1–250).

Не понятно также, для чего, если не для сенсации, и бравада автора о цифрах агентуры ОГПУ. При всяческих режимах, в том числе и при современном «демократическом», альтернативы этому нет.

Обращает на себя внимание также и то, что отдельные авторы вламываются буквально в открытые двери, навязывая читателю свое ложное мнение. Иначе не возможно объяснить то, что автор Ханбабаев К.М. (*Ханбабаев К.М.*, 2007. С. 298–300) приводит свои предположения относительно подписанной Н.П. Самурским 26 сентября 1937 г. телеграммы об увеличении лимита на репрессии в Дагестане, пытаясь при этом обвинить в фальсификации составителей сборника «Репрессии 30-х годов в Дагестане» (Репрессии 30-х годов...С. 277, 278).

Ныне, спустя десятилетия, особенно в связи с распадом СССР, находятся инициаторы, которые безотносительно конкретных исторических условий и обстоятельств, не прочь лягнуть советское прошлое.

Читая и перечитывая потрясающий своим цинизмом документ о размышлениях бывшего директора ЦРУ Аллена Даллеса по поводу послевоенной доктрины США по отношению к СССР (*Соловьев А.Н.*, 1993. С. 15, 16) и знакомясь с трудами некоторых «ученых», поражаешься, как наша действительность превзошла во многом намеченные Даллесом цели.

Архивные документы и другие первоисточники, воспоминания оставшихся в живых узников дают нам возможность рассказать правду о фактах произвола и беззакония, творившихся Л. Троцким, Л. Кагановичем, Г. Маленковым, В. Молотовым, Н. Шверником, Н. Хрущевым, Г. Ягодой, Н. Ежовым, Л. Берией и другими из окружения В. Ленина и И.Сталина.

Насилие в обществе было во все времена. В истории развития государственности не было режима, который бы не карал своих противников. Однако методы и размеры карательной политики были самые разнообразные. В том, что произошло, виноваты не какие-то оккупанты, творившие беззакония на чужой для них территории. Это общая трагедия нашего недавнего прошлого.

Многое в истории этого периода нуждается еще в уточнении и корректировке. Важно не только открывать новые факты, но и не предавать забвению то, что известно. Только так можно извлечь уроки из прошлого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив УФСБ РФ по РД. Д. 1632, 1685.
- Докучаев М.С.*, 1998. История помнит. М.
- Дугин Л.*, 1990. Сталинизм: Легенды и факты // Слово № 7.
- История России. XX век, 1989. М.
- Литвиненко В.*, 2008. Ярмарка глупостей и мифов // Советская Россия. 28 октября.
- Млечин Л.*, 1999. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М.
- Некрасов В.Ф.*, 1995. Тринадцать железных наркомов. М.
- Отечественная история. 2007. № 6.
- Правда. 1937. 21 декабря.
- Пыхалов И.*, 2000. Время Сталина: факты против мифов. Л.
- Репрессии 30-х годов в Дагестане. 1997. Махачкала.
- Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. 1993. М.
- Соколов Б.В.*, 2001. Наркомы страха. М.
- Соловьев А.Н.*, 1993. Российские энциклопедии, состояние, проблемы. М.
- Справка Российского государственного архива социально-политической истории // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22.
- Сулейманов С.И.*, 2006. Верный страж государственной безопасности Отчизны. Махачкала.
- Сулейманов С.И.*, 2007. Книга памяти жертв политических репрессий 20–50-х годов XX века в Дагестане. Махачкала.
- Телеграмма за подписью Председателя Президиума Верховного Совета ДАССР Народному комиссару внутренних дел СССР Н. Ежову // ЦГА РД. Ф. 37-р. оп. 20. Д. 299.
- Ханбабаев К.М.*, 2007. Нажмутдин Самурский (Эфендиев) – видный общественно-политический и государственный деятель Дагестана. Махачкала.
- Хлевнюк О.В.*, 1922. 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество. М. *Фейхвангер Л.*, 1937. Москва, 1937. М.